

НИКОЛАЙ АЛЕФИРЕНКО

Белгородский государственный университет, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ РУССКОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Введение. На важность национальных (этнических, в нашей терминологии) корней в жизни человека указывали многие русские философы начала XX века (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Н. Трубецкой). По мнению Н.А. Бердяева¹, вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. Именно через национальную индивидуальность каждый отдельный человек входит в человечество, он входит в него как национальный человек². Законом человеческой природы и культуры И.А. Ильин признает то, что «все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада. Утрачивая связь с этнолингвокультурой, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, которые всегда национальны: «в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли»³. Для лингвокультурологии крайне важен акцент И.А. Ильина на том, что национальность человека создаётся не сознательно, а укладом его *инстинкта* и его *творческого акта*, укладом его *бессознательного...*»⁴. Эти суждения учёного справедливы не только в отношении культуры вообще: они особенно существенны и органичны для лингвокультуры. Присмотревшись к тому, как верует человек, какую молитву и как читает, как и в каких речевых образах проявляются его доброта, геройство, чувство чести и долга; как он поет, читает стихи, можно определить сыном какой нации он является. Всё это, заметим, зависит не столько от сознательного поведения человека, сколько от его духовного уклада, проявляющегося бессознательно.

---

¹ Н.А. Бердяев, *Судьба России*, Москва 2005, с. 135.

² См.: И.А. Ильин, *Собр. соч. В 10 т.*, т. 1, Москва 1993, с. 232.

³ Там же, с. 236.

⁴ Там же, с. 237.

Чем обуславливается неповторимость, непохожесть этнических культур? Этот вопрос с завидной постоянностью возникает потому, что многие элементы сами по себе не всегда являются уникальными. Они повторяются во множестве культур. С точки зрения философии, уникальность этнокультуры создаётся той системой организации элементов опыта, которая свойственна лишь данной культуре⁵. С точки зрения психологии, уникальность этнокультуры обуславливается тем, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа, его картины мира лежит *своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем*. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видения мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [выделено нами – Н.А.]⁶.

Понятия «стереотип», «профилирование» и «языковая картина мира», т.е. те представления о предметах и явлениях действительности, которые отражены в значениях слов и текстах, являются ключевыми в теории языковых стереотипов Е. Барминьского – главы польской школы этнолингвистики⁷. Согласно его учению, традиционные этнокультурные стереотипы могут быть реконструированы с помощью анализа языковой семантики, в частности через толкование слов через их восприятие обычным этноязыковым сознанием.

В культурологической психологии стереотип определяется как «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т.п.; в то же время это представление, которое воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире»⁸.

⁵ K. Polok, *O czym zapomnial (?) Noam Chomsky, albo o miejscu kultury w języku*, w: *Język poza granicami języka. Teoria i metodologia współczesnych nauk o języku*, pod red. A. Kiklewicza i J. Dębowskiego, Olsztyn 2008, s. 354.

⁶ А.А. Леонтьев, *Деятельный ум*, Москва 2001, с. 20.

⁷ В российской этнолингвистике учение об устойчивых языковых структурах представлено преимущественно в трудах школы академика Н. И. Толстого (1928–1996), а также работами А. С. Герд и Е. Л. Березович. Этнолингвистические школы Н. И. Толстого и Ежи Барминьского взаимно дополнительны, хотя каждую из них характеризуют специфические подходы к языковым стереотипам. Так, школу Е. Барминьского отличает внимание к *типичному* и *прототипическому* в языке и культуре (к идеям лингвокогнитивистики). Школа Н.И. Толстого ориентирована на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции в диахронии, в исторической и генетической ретроспективе. Последнее особо подчеркивалось в связи с задачей преодоления «синхронности» американской этнолингвистики, исследовавшей языки индейцев, не имеющие письменной традиции.

⁸ Е. Барминьский, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. Перевод с польского. Сост. и отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2005, с. 68.

Профилирование Бартминьский истолковывает через производящее понятие: «профиль образа предмета – это свойство закрепленного за предметом представления (стереотипа), состоящее, с одной стороны, в своеобразном отборе и структурировании аспектов, в которых истолкован предмет; с другой стороны, оно зависит от типа относящихся к этим аспектам конкретных качественных характеристик». Обе стороны «связаны с познавательной и культурной базой языка, принятой говорящим точкой зрения, типом знания о мире, типом мышления, системой образцов и ценностей»⁹.

Картина мира понимается как „некоторый комплекс суждений, более или менее закрепленных в языке, содержащихся в значениях слов или имплицитированных этими значениями, которые говорят о признаках и способах существования объектов внеязыкового мира”. По мнению Бартминьского, между текстом на естественном языке и картиной мира возникают отношения, подобные отношениям между моделирующим и моделируемым объектом. Выделенные понятия являются основополагающими для определения этноязыкового стереотипа – понятия, наполненного внутренними противоречиями. Дело в том, что само слова *стереотип* во многих языках имеет негативную окраску, так как определяется через слово *шаблон*, в свою очередь определяемое как, избитый, лишенный оригинальности и выразительности. Если такое понимание терпимо по отношению к слову *стереотип* вообще, то в контексте проблем этнолингвистики оно несправедливо. При всём своём схематизме и обобщенности стереотипные представления о других народах и других культурах подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок. Языковые стереотипы позволяют человеку представить мир в его лаконичной целостности, выйти за рамки своего узкого личностного восприятия действительности.

В лингвокультурологии термин *стереотип* относится к содержательной стороне взаимодействия языка и культуры, т.е. понимается как ментальный стереотип, который коррелирует с *наивной картиной мира*. Такое понимание языкового стереотипа доминирует в исследованиях Бартминьского и его школы. *Языковая картина мира* и *языковой стереотип* соотносятся у него как часть и целое. При этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определённому объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных

⁹ Там же, с. 53.

познавательных моделей. Как и в некоторые другие работы, в наших исследованиях к языковым стереотипам относятся не только суждения, но и устойчивые выражения, состоящие из нескольких слов: идиомы, паремии, устойчивые сравнения, клише и т.д. Ср.: *портняжить с дубовой иглой* (жарг., шутл.-ирон. *угол*) – то же, что *шить деревянными иглами* – ‘совершать грабежи, налёты’); *Иван, не помнящий родства* – неодобр. ‘бродяга, скиталиц’; *как рыба в воде* – ‘свободно, очень непринуждённо чувствовать себя, вести себя, действовать в каком-либо обществе, в какой-либо среде’; *Федот, да не тот* – ‘о том, кто на самом деле хуже того, за кого его принимают или за кого он себя выдаёт’. Употребление таких языковых стереотипов не только облегчает и упрощает общение, но и делает его этнокультурно маркированным.

Языковые стереотипы этнокультурного характера – это объективированные в языке профилированные концепты, понятия, признаки окружающей человека действительности, которые составляют лингвокогнитивную конфигурацию языковой картины мира. Поскольку языковые стереотипы порождаются этнически обусловленными представлениями, сформированными фольклорно-мифологическим сознанием и бытующими в системе традиционной лингвокультуры, в основе их содержания лежит не просто оценочные образы, зафиксированные в языке (номинативных моделях, фраземах и паремиях). Когнитивным субстратом каждого языкового стереотипа является один из этнокультурных концептов, фундаментирующих базовые топики языковой картины мира. Этноязыковые стереотипы, являясь по данным современных исследований особо значимыми для самоосознания и самопознания этноса, играют в языковой картине мира одновременно структурообразующую и этноидентифицирующую роль. Так, по результатам исследований Е. Бартминьского, «европейскость славянства», по крайней мере, в двух отношениях отличается от «западной европейскости» (романо-германской):

- во-первых, в славянском мире в большей степени живы традиции культуры народной, крестьянской, земледельческой;
- во-вторых, более высокую позицию в иерархии ценностей (если не на практике, то, по крайней мере, декларативно) занимают традиционные христианские духовные ценности, характерные как для польского наивного «народного католицизма», так и для русского наивного «народного православия».

На основополагающем — народном и обиходном — уровне культуры деление на *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* представляется менее значимым, чем на уровне общенациональной культуры и социальных институтов. Метафора двух лёгких, которыми должна дышать Европа, во многих кругах польского общества, по мнению учёного, находит своих многочисленных сторонников.

С точки зрения лингвокультурологии, объяснение самобытности этнокультуры следует искать в словах, которыми фиксируются образы познаваемых предметов и явлений. Почему в словах? Потому что такое слово вырастает из действия и несёт в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия). С помощью культурно маркированного слова как раз и задаётся та система координат, в которой человек живёт, в которой формируется образ мира – основополагающий элемент этнокультуры¹⁰. «Назвать» – значит приписать номинанту определенное значение, а придать определенное значение чему-либо – значит понять его, включить в свое сознание. Поэтому за словом в его звуковой или графической материальности стоит фрагмент живого образа из мира конкретной этнокультуры. Системность же значений есть отражение системности самой лингвокультуры, той структуры образа мира, которая в ней сформирована и отражена в этноязыковом сознании.

1. Лингвокультура и этноязыковое сознание. Формой существования культуры в сознании человека служит так называемое национально-культурное пространство, или общее для всех представителей данного этноязыкового сообщества сознание. Определение, конечно, впечатляет своей философской широтой и афористичностью, однако ещё не раскрывает сущность рассматриваемой категории.

Согласно лингвокультурологическому словарю¹¹, национальное культурное пространство по своей природе – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится осязаемым при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национального лингвокультурного сообщества.

Национально-культурное пространство можно представить в виде поля. Его ядро образует национальная когнитивная база, под которой авторы словаря понимают определенным образом структурированную совокупность знаний. Почему знаний? В какой связи находятся знания и этнокультурное пространство?

Связь эта хотя и не очевидна, но, тем не менее, глубинна. Дело в том, что знание является продуктом культуры, поскольку процесс социализации ребёнка происходит путем усвоения правил, норм и стереотипов

¹⁰ С.В. Лурье, *Историческая этнология*, Москва 1997, с. 221.

¹¹ Русское культурное пространство: *Лингвокультурологический словарь*, вып. 1, И.С. Брилёва, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных, Москва 2004.

мышления, выработанных предшествующими поколениями того или иного социума. В них зафиксирован опыт освоения и осмысления реальности, определенная культура, организованная уже как некий язык, а не форма жизнедеятельности человека. Когнитивная база проецируется на этнокультурное пространство и становится его важнейшей составной частью. Поскольку же это база этнокультурного пространства, знания эти должны быть национально и культурно маркированными представлениями, присущими всем представителям соответствующего лингвокультурного сообщества. С этим никто и не спорит. Однако более таинственным процессом является то, каким образом такого рода знания становятся общими для всех говорящих на том или ином языке.

Прежде всего, речь здесь должна идти не о биологическом индивидууме, а о личности. Иными словами, чтобы представлять какое-либо лингвокультурное сообщество, оказаться его неотъемлемой частью, индивидуум должен стать личностью. Достигается такое чудесное превращение путём так называемой социализации. Сутью этого процесса и его целью является трансляция культуры, прежде всего, посредством языка. На начальном этапе социализации культура актуализуется в виде фольклорных дискурсов, основными репрезентантами которых выступают народные песни, былины, пословицы, поговорки и другие структуры языка, фокусирующие народную мудрость. Затем этноязыковое пространство культуры расширяется: подключаются другие семиотические средства культуры, формирующие прежде всего базовые этнокультурные концепты.

О концептах написано очень много. Однако от этого он не приобрёл пока общепринятого понимания. Всё ещё существует два направления в его истолковании: когнитивистское и культурологическое. Казалось бы, не мудрствуя лукаво, для нужд лингвокультурологии нужно просто принять вторую точку зрения. Однако для разрабатываемой нами когнитивно-семиологической теории лингвокультурологии это было бы слишком простым решением. Поэтому попробуем разобраться в каждом из существующих подходов.

Начнём с того, что концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно когнитивную структуру этноязыкового сознания.

Сложность истолкования этноязыкового сознания объясняется тем, что в лингвокультурологии вообще своеобразно и неоднозначно переплетаются когнитивные и собственно культурологические категории. Кажется, наиболее проблемным среди них является понятие этноязыкового, или

этнокультурного, сознания. Если *сознание* в когнитивистике – это высшая, понятийная, форма отражения человеком действительности и его отношения к отражаемому, то этноязыковое сознание является высшей духовной категорией, представляющей собой ассоциативно-смысловую форму стереотипного отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества. В соответствии с таким пониманием структурными компонентами этнокультурного сознания являются, с одной стороны, когнитивные элементы (понятия, представления) и некогнитивные (чувства, эмоции, воля и др.). Другой не менее важный блок компонентов этнокультурного сознания составляют те элементы культуры (ценности, оценки, смысловые интерпретации и т.п.), которые приобрели статус этнокультурного стереотипа.

Вопрос о правомерности выделения этноязыкового сознания в отдельную категорию остается в науке открытым. Считается, что любое сознание непременно объективируется культурно маркированным семиотическим кодом. Однако не лишена смысла и другая точка зрения, согласно которой когнитивные процессы, конечно же, опираются на знаковые опосредователи, но ими могут быть не только знаки языковые, но и другие семиотические средства передачи информации. Как уже отмечалось, любая семиотическая система служит своеобразным «языком» или, точнее, кодом хранения информации в нашей памяти и её декодирования в процессе речевого общения, т. е. передачи информации.

Дальнейшее изучение знакового изоморфизма между системой естественного языка и системой мышления обещает расширить наши знания о закономерностях накопления, хранения и переработки информации, связанных с мышлением. Мышление и язык возникли, по данным современной науки, в результате единого эволюционного процесса. Звуковой язык появился вместе с возникновением человека. Он формировался на основе уже имевшихся голосового и слухового аппаратов, способных соответственно производить и воспринимать акустические сигналы (свойство и животных). В процессе эволюции человека звуковые сигналы превращались в сложнейшую систему символов, знаков, наиболее совершенными из которых являются языковые. Очевидно, изначально эти знаки имели непосредственные (прямые) связи с предметами окружающего мира. Затем произошло замещение и полное вытеснение реальных связей условными, в результате чего знаки стали воспроизводимыми. Это свойство необходимо языку не только для того, чтобы, подобно генетическому коду, хранить и передавать информацию, но и для выполнения общественных, в том числе и стереотипных, функций. Поскольку свойство изоморфизма генетического и языкового кодов обуславливается, надо полагать, единством глобального эволюционного

процесса, оно служит глубинным механизмом перекодирования информации из структур когнитивной стереотипизации (фреймов, концептов, гештальтов и др.) в структуры языковых стереотипов – естественной основой синергетики когнитивного и языкового сознания.

Способы и средства такого перекодирования в целом зависят от понимания типологии когнитивных структур и их соотношения. Существует две точки зрения. Согласно первой, все многообразие видовых мыслительных структур можно подвести под одно родовое когнитивное образование – концепт. В соответствии со второй точкой зрения, все типы мыслительных структур представляют собой однопорядковые образования: *концепты, фреймы, скрипты, сценарии, гештальты*. В нашем представлении когнитивные структуры находятся в *иерархических отношениях*, высший уровень в которых образует целостный мыслительный образ – *гештальт*. Затем путем членения целого на составляющие его части можно выделить три событийные структуры – *фрейм, скрипт и сценарий*. Элементарной когнитивной единицей событийных структур является *концепт* – оперативная единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (Е.С. Кубрякова). Таким образом системно упорядоченные и вербализованные структуры формируют языковое сознание. Те же вербализованные структуры познания, которые в силу своей социокультурной значимости, подвергаясь дальнейшей категоризации, превращаются в лингвокультурные стереотипы, образуя некую этнокультурную матрицу этноязыкового сознания. Если следовать такой логике интерпретации зависимости лингвокультурных категорий, то можно утверждать, что этноязыковое сознание в некотором роде является дериватом этнокультурного сознания – категории не менее загадочной и спорной.

Этнокультурное сознание – результат отражения и стереотипного восприятия образа мира, осуществляющихся в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, которая системно организует базовые концепты той или иной национальной культуры. В связи с этим специфику каждой этнокультуры определяет структурированная совокупность вербально закодированных основных духовных ценностей, традиций и обычаев народа. Прежде всего, этнокультурной значимостью отмечены стереотипные языковые единицы: идиомы, паремии, языковые метафоры и устойчивые стилистические фигуры. В своей совокупности эти языковые стереотипы образуют в нашем сознании особый структурный ярус – этноязыковое сознание, элементы которого в яркой образной форме представляют наиболее важные для данной этнокультуры объекты – предметы, события, факты. Стереотипные представления о культурно

значимых объектах, зафиксированных в концептах, фреймах, скриптах и сценариях, связаны с прототипическими признаками тех или иных классов познаваемых и вербализуемых предметов.

Прототипический подход к семантике предполагает, что категории выступают в наиболее ярких и презентабельных образцах¹². *Прототип* – это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и во многих случаях – наиболее высокой степенью регулярности функционирования. Одним из общих свойств инварианта и прототипа является свойство относительности, суть которого состоит в том, что рассматриваемое значение может быть производным от прототипа более высокого уровня и вместе с тем быть прототипом по отношению к тому или иному семантическому варианту, находящемуся на более низкой ступени иерархии.

Соотношение рассматриваемых понятий обуславливает алгоритм инвариантно-прототипического анализа, помогая 1) решить вопрос истолкования данного семантического феномена как категориального значения, представляющего собой инвариант; 2) определить сеть (ряд) вариантных реализаций изучаемого категориального значения (наличие вариантности предполагает использование понятия прототипа как эталонного варианта, наиболее ярко выявляющего специфику данного значения); 3) исследование вариантов начинается с прототипа как эталона, затем рассматриваются отдельные этапы перехода эталонных свойств к свойствам единиц, находящихся в заядерной зоне, затем на ближней и, наконец, на крайней (дальней) периферии (А. В. Бондарко).

Прототипические признаки – это те свойства, которыми характеризуются предметы соответствующего класса. Причем набор таких признаков и их иерархия в каждом национальном языке «свой». Иными словами, одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковым сознанием в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном классе предметов. И это притом, что логически механизмы их концептуализации остаются универсальными. Одинаковые концепты в разных языках могут иметь различные вербальные репрезентации, опирающиеся на разные прототипические признаки. Ср. сходные по смыслу пословицы в разных

---

¹² Дж. Лакофф, *Метафоры, которыми мы живем*, „Теория метафоры”, Москва 1990, с. 387; R.W. Langacker, *The conceptual basis of cognitive semantics*, „Language and conceptualization”, ed. by J. Nuyts and E. Pederson, Cambridge 1997, p. 37.

языках: рус. *за семь вёрст киселя хлебать (есть)*; укр. *за шматок кишки сім верст пішки* – ‘далеко и попусту, без особой надобности идти, ехать, тащиться и т.п.’; словацк. *níz. hovor. iron. trepaťsa (terigať sa) z daleka (z veľki dialku)*; чеш. *vážit dalekou cestu pro učiněné nic; jít kraj světa bůhvi proč; jít do Tramtárie* – ‘напрасно и неоправданно стремиться куда-л., имея возможность достичь желаемого на месте’.

К номинативным единицам высокой национальной нагруженности, по данным А.Г. Гурочкиной, относятся, прежде всего, обозначения бытовых реалий (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т. д.), антропонимы, топонимы, названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции¹³. Другой номинативной единицей, ядерный компонент лексического значения которой национально обусловлен, является коннотативная лексика. Например, одних и тех же животных народы разных стран наделяют различными качествами (ср. *свинья* – амер. ‘грубиян, жадина’; рус. – ‘неряха, грязнуля’).

Специфика наименования, представления того или иного объекта, явления или процесса отдельным этноязыковым коллективом обусловлена его особым (стереотипным) видением мира, определяемым культурной моделью, существующей в национальной традиции, и ее языковой проекцией. Изучение культурно маркированных языковых образований, отражающих представления о мире внутри отдельной национально-культурной традиции, формирующей свой состав словаря и определяющей особенности дискурсивной организации текста, позволит выявить специфику восприятия и познания мира разными народами, и характер её отображения в этнокультурной архитектонике языкового знака.

2. Этнокультурные константы языкового сознания. Как философская категория «константа» – это реальность или идея, которая доминирует над другими на протяжении длительного времени (Э. д’Орс). По сути своей константами культуры выступают концепты-архетипы. Концепты, по Ю.С. Степанову, – это «пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово, <...> – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не „творец духовных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов Ю.С., 1997: 40). Таким образом, понятие «константа», выйдя за рамки точных наук, приобретает все более широкий

¹³ А.Г. Гурочкина, *Этнокультура и языковое сознание*, „Филология и культура”: материалы III Междунар. науч. конф. Ч. 3, Тамбов 2001, с. 122–123.

лингвофилософский смысл, поэтому такие *константные* признаки концепта-архетипа, как *неизменность* и *постоянство*, становятся все более относительными.

Дело в том, что «константы культуры» антропоцентричны, поскольку оказываются в зависимости (чаще – в косвенной) от единственного субъекта и творца культуры – человека. Иными словами, культурные константы не субстанциональны, поскольку отражают объекты мироздания не сами по себе. Они скорее операциональны и представляют образ действия человека в отношении к объектам мироздания. Дело в том, что мир устроен не как некая заданная натуральная внешняя реальность, а как действительность, сформированная в ходе культурного развития самого человека, который находится в центре мироздания. Культурные константы, как правило, не осознаются человеком. Они – инструмент упорядочения и рационализации опыта, полученного из внешнего мира.

Все чаще концептам приписывают способность субъективно отражать мир в наиболее обобщенном виде, в форме размытых, слабо структурированных мыслительных образований. Насколько справедливо такое утверждение? Точнее, все ли в концепте субъективно? Если нет то, в каком соотношении находится в концепте субъективное и объективное? Ответы на эти вопросы важны еще и потому, что ведут к разграничению таких смежных категорий, как *концепт* и *понятие*. Ясно, что демаркационной линией при этом служит наличие или отсутствие в них субъективного элемента.

Исходя из теории Ю.С. Степанова, концепты в отличие от понятий обладают двумя специфическими признаками: 1) определенным уровнем субъективности и 2) многоярусной организацией. Действительно, концепты не только *мыслятся*, но и *переживаются*. Они отражают человеческие *эмоции*, *симпатии* и *антипатии*, а иногда и *столкновения*¹⁴. Согласно теории многоярусной организации концепта, в нем выделяют три основных слоя: 1) «активный» (актуальный) – своего рода верхушка айсберга – основной, очевидный для всех ныне живущих людей признак концепта, позволяющий апеллировать к нему и оперировать им даже обыденному сознанию; 2) «пассивный» (исторический, фоновый), включающий его дополнительные признаки, – «кристаллизация» его важнейших осмыслений и толкований в различные культурные эпохи (Ю.С. Степанов); 3) внутренняя форма или этимологический признак концепта – его смысловое первоначало, запечатленное во внешней словесной форме.

¹⁴ Ю.С. Степанов, *Константы. Словарь русской культуры*, Москва 1997, с. 41.

Соположенность и взаимодополняемость этих слоев служат доказательством гармонического сочетания в концепте постоянных и видоизменяющихся компонентов. Стабильность и постоянство обеспечивает концепту его внутренняя форма – первооснова концепта, воплощенная во внешней словесной форме. Речемыслительная мобильность концепта опирается на динамическое соотношение смыслового содержания его первых двух слоев – актуального и исторического. Благодаря этому становится возможным модификация исторического, фонового содержания, актуализация одних и погашение других смыслов. В этом плане концепт остается всегда незавершенным, структурно «открытым».

Понятию же эти свойства не характерны. Определяющими его признаками выступают стабильность, объективность, концентрация наиболее существенных признаков и абстрагирование от всего несущественного, частного и субъективного. Ср.: понятие «спартанец» – житель Спарты и концепт «Спартанец» (о строгих, суровых, неприхотливых людях с сильным характером). Например: *Он сохранил военную выправку, жил спартацем и монахом* (И.С. Тургенев. *Новь*). Содержание понятия интенционально, содержание концепта импликационально.

Последнее время в лингвокультурологии все чаще (к сожалению, без должного обоснования) используется термин *культурный концепт*. Насколько оправданно его использование наряду с существующим однословным термином *концепт*?

А priori ясно, что использование нового термина имеет смысл только в одном случае: если исходить из предположения, что не все концепты культурно маркированы. Такое предположение не беспочвенно. Обратимся к традиционному метаязыку, где концепт — смысловое целостное образование, объективируемое в языке не только словом, системой его ЛСВ или парадигмой словоформ, а некоторой совокупностью слов, такой, как ЛСГ или синонимико-антонимические блоки. Это универсальные знания, имеющие полевую организацию, которые образуют некие понятийные категории и кодируются большинством известных языков. С.Д. Кацнельсон называет их «онтологическими», «внеязыковыми», «когнитивными» или «речемыслительными». В таком же ракурсе истолковывает концепт и Е.С. Кубрякова¹⁵, определяющая его как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*). При таком понимании концепт оказывается родственным по своему содержанию более знакомым категориям – понятиям «информация» и «смысл».

¹⁵ *Краткий словарь когнитивных терминов*, под ред. Е.С. Кубряковой, Москва 1996, с. 90.

Однако здесь также нет полного понятийного тождества: *информация* в отличие от концепта – это все те данные, которые поступают человеку извне по самым разным каналам – чувственно-перцептуальным и сенсорно-моторным (Л.Г. Лузина). В традиционном языкознании под информацией понимают любые сведения о фактах, событиях, процессах, содержащиеся в семантике единиц языка и речи. В лексике и фраземике информация отождествляется с лексическим и фразеологическим значениями, в синтаксисе – с пропозициональным содержанием предложения, в тексте – эвристически полученные сведения коммуникативно-прагматического характера. В когнитологии сформировалось понятие концептуальной информации, под которой понимают продукты осмысления всех поступающих по разным каналам сведений, которые в дискурсе представляют говорящим не только собственно знания, но и убеждения, мнения и установки. **Концепт** же – это не просто информация, это тот формат, который служит своего рода «упаковкой» осмысленной и структурированной информации. И в этом плане концепт сближается с категорией смысла.

Некоторые исследователи даже используют термин *концепт* как синоним *смыслу*. Однако не лишено также оснований мнение, согласно которому концепт относится к смыслу как его интерпретатор и как продукт его герменевтической обработки. Такое понимание соотношения концепта и смысла находит поддержку в теории концептуализации и категоризации мира, в процессе которых происходит классификация, подведение под те или иные категории осмысленной информации. Смыслы как минимальные единицы человеческого опыта структурируются в концепты, а те, в свою очередь, на основании имеющихся в их составе общих смыслов объединяются в категории. В рамках концепта смыслы постоянно уточняются и модифицируются, приводятся в соответствие с вновь получаемой информацией. Именно поэтому концепты служат оперативными единицами нашего сознания.

В любом случае концепт выступает мыслительным посредником между языком и внеязыковым миром, и в этом своем статусе не обязательно оказывается этнокультурно маркированным образованием.

Если согласиться с теми исследователями, которые полагают, что «некультурных концептов» в языке нет вообще, то это поставит под сомнение правомерность выделения самой лингвокультурологии в отдельную научную дисциплину.

В современной лингвокультурологии практически никем не оспаривается положение о том, что культурный концепт – многомерное ментальное образование, в котором выделяются несколько качественно отличных составляющих (словес или измерений).

По наблюдениям С.Г. Воркачёва, разногласия в понимании сущности культурного концепта вызваны главным образом расхождениями в определении количества и характера его смысловых компонентов. Так, Ляпин, например, утверждает, что «дискретная целостность» культурного концепта образуется взаимодействием «понятия», «образа» и «действия»¹⁶. Ю.С. Степанов выделяет в концепте, кроме понятийной составляющей, и «всё, что делает его фактом культуры» – этимологию, современные ассоциации и оценки¹⁷. В.И. Карасик считает, что в культурном концепте содержатся «ценностная, образная и понятийная стороны»¹⁸. По С.Г. Воркачеву, понятийная составляющая отражает признаковую и дефиниционную структуру культурного концепта; образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в актуальной зоне языкового сознания; значимостная составляющая определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе¹⁹.

Многомерность культурного концепта соотносима с его сложностью, внутренней расчлененностью, что обуславливает получение статуса культурного концепта для семантически неразложимых ментальных образований погружением в культурно-языковую среду: оператор логики оценок «безразлично» в языке с приобретением аксиологических коннотаций и образных ассоциаций становится концептом «равнодушие/ апатия».

Без сопоставительного анализа, изучение культурных концептов невозможно, поскольку в противном случае невозможно (а) выявление отличительных черт концепта как единицы лингвокультуры, (б) установление его этнокультурной специфики. В качестве этноспецифичного может приниматься признак, положенный в основу номинации, – внутренняя форма имени. Этноспецифичность может усматриваться в стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике концепта. Этноспецифичность концепта в контексте межъязыкового сопоставления, по мнению С.Г. Воркачева, даёт основания рассматривать его как *единицу национального менталитета*, отличного от ментальности как общей совокупности черт национального характера.

Культурный концепт – многомерная интегрирующая эвристическая категория, в котором выделяются, как можно было увидеть,

---

¹⁶ С.Х. Ляпин, *Концептология: к становлению подхода*, Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1, Архангельск 1977, с. 18.

¹⁷ Ю.С. Степанов, *op. cit.*, с. 41.

¹⁸ В.И. Карасик, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград 2002, с. 129.

¹⁹ С.Г. Воркачев, *Концепт „счастье“ в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа*, Краснодар 2002, с. 80.

преимущественно три разнородные составляющие, из которых, однако, по сути, чаще всего лишь одной приписывается определяющее начало.

Конституирующим в семантике концепта может быть понятие, которое может находиться под другими его слоями и поэтому скрыто от поверхностного восприятия. Следовательно, описать понятийную составляющую концепта с точки зрения классической логики, через перечисление существенных признаков познаваемого объекта оказывается невозможным. В таком случае ее толкуют через отрицание²⁰. Считается, что это то в содержании концепта, что не является образным, не связано с местом имени концепта в лексической системе языка и т.п.

Определяющим в смысловом содержании культурного концепта выступает, как правило, ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций.

Включение в состав концепта образной составляющей²¹ (типového представления, гештальта, прототипа, стереотипа, символа и пр.) – это как раз то, что выгодно отличает его от понятия, лишенного наглядности. Более того, «вещные коннотации», отраженные в несвободной сочетаемости имени концепта, могут как раз раскрывать его этнокультурную специфику (Л.О. Чернейко). В ходе вербализации концепта, образная составляющая в процессе становления концепта может преобразовываться в символ²².

И, наконец, определяющим в тройке «измерений» концепта может быть номинативное, собственно лингвокультурологическое, связанное с его вербализацией в конкретном естественном языке и ориентированное на имя концепта – слово, его воплощающее.

Формальной характеристикой культурного концепта является множественность одно- или разноуровневых средств его реализации, что напрямую связано с релевантностью, важностью этого концепта для данного лингвокультурного сообщества, аксиологической либо иной ценностью явления, отраженного в его содержании²³. Другим проявлением релевантности содержания культурного концепта можно считать его «переживаемость»²⁴: способность при попадании в фокус сознания интенсифицировать духовную жизнь человека.

Синонимические средства, образующие план выражения культурного концепта, группируются и упорядочиваются частотно и функционально.

²⁰ См.: Ю.С. Степанов, *op. cit.*, с. 76; В.В. Колесов, *Философия русского слова*, Санкт-Петербург 2002, с. 64.

²¹ С.Г. Воркачев, *Концепт счастья: понятийный и образный компоненты*, Известия Российской Академии наук. Серия лит. и яз. 2001, с. 54–57.

²² В.В. Колесов, *Философия русского слова*, Санкт-Петербург 2002, с. 107.

²³ В.И. Карасик, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград 2002, с. 139.

²⁴ Ю.С. Степанов, *Константы. Словарь русской культуры*, Москва 1997, с. 41.

Внутри семантических гнезд С.Г. Воркачев выделяет концепты разной культурной значимости: «счастье – блаженство», «любовь – милость», «справедливость – правда», «свобода – воля», «честь – достоинство» и пр., где этноспецифическая маркированность закреплена преимущественно за вторыми членами пары.

В основу типологии культурных концептов может быть положен также уровень абстракции их имен: если имена *естественных реалий* обычно концептами не считаются, то имена *предметных артефактов*, обрастая этнокультурными коннотациями, как правило, становятся репрезентаторами культурного концепта.

И всё же культурные концепты, как и концепты культурно нейтральные, – прежде всего, ментальные сущности, в которых, как бы сказал В. фон Гумбольдт, отражается «дух народа». Всё это и определяет антропоцентричность культурных концептов – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личность» носителя того или иного этнокультурного сознания.

3. Этнокультурное своеобразие языкового знака. Словосочетание «национально-культурный компонент языкового значения», хотя и стало популярным в современных исследованиях, ещё не обрело устойчивого и общепринятого понимания. Понятно лишь, что оно призвано фокусировать смыслы, рождаемые взаимодействием национального и культурного факторов формирования семантической структуры языкового знака. Но в чём заключается смысл его терминологического содержания? – Вопрос, который уже не одно столетие остаётся открытым. В поисках решения данной проблемы В. Г. Гак предлагает различать национальную и культурную специфику языкового знака.

Национальную специфику слова, по его мнению, предопределяют два фактора — объективный и субъективный. Выявляются они путём сопоставления языков. Под *объективным* фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих стереотипы жизненного пространства того или иного народа. *Субъективный* фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальными стереотипами разных этноязыковых сообществ. Иными словами, национальная специфика проявляется различными языковыми репрезентациями одних и тех же объектов реальной или воображаемой действительности. Причем такие различия не всегда культурно маркированы. А часть таких различий и вовсе может быть не обусловлена культурными факторами. Культурная специфика,

согласимся с В. Г. Гаком²⁵, предполагает соответствие слова определенному стереотипу менталитета или какому-либо объекту предметно-культурного пространства народа, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни. Именно в сфере стереотипной ментальности народа и следует искать источники синергетики национального и культурного компонентов в семантической структуре языкового знака.

Однако, заметим, разведение национальной и культурной специфики не является единственно возможным толкованием «национально-культурного компонента языкового значения». Ряд авторов феномен национально-культурной специфики языкового знака исследует в его целостности. В основе такого подхода лежит точка зрения Н. А. Бердяева, признававшего, что культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная²⁶ и в этой своей самобытности представляет человека и ценностно-смысловое пространство его обитания как единое целое. Данное положение является базовым для исследования стереотипной организации этнокультурного пространства языка. Считается, что всё, что может быть истолковано в терминах стереотипной оценочности, принадлежит к кругу национальной лингвокультуры. Хотя некоторые исследователи полагают, что национальная специфика языкового знака обусловлена только этнически, т. е. детермирована самим фактом принадлежности к определенному этносу.

Итак, лингвокультурологическое исследование языковой стереотипизации этнокультурного пространства²⁷ предполагает прежде всего анализ национальной специфики языковых знаков, обуславливающейся механизмами генетического и функционального взаимодействия языка и культуры. Это образует этноязыковой вектор лингвокультурологии. Второе направление лингвокультурологии связано с исследованием культурно-семиотической специфики языкового знака. Для этого используются сравнительный и интроспективный методы исследования. Сравнительный подход предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно сравнение способствует выявлению общих и специфических черт языковых репрезентаций социокультурных стереотипов. Интроспективный анализ предполагает работу с информантами и текстовый анализ с целью выявления национально-культурной

²⁵ В.Г. Гак, *Русская динамическая картина мира*, „Русский язык сегодня”. Вып. 1: с. 6. ст., Москва 2000, с. 36–44.

²⁶ Н.А. Бердяев, *Судьба России*, Москва 2005, с. 72.

²⁷ Понимание стереотипизации нашло отражение в *Словаре народных стереотипов и символов* Е. Бартминского.

стереотипизации языка. Гармоничное сочетание интроспективного и сравнительного методов при изучении национально-культурных стереотипов поможет уйти от полного этноцентризма (Т.Г. Стефаненко), когда культурно-языковым стандартам, выявленным в этнокультурном пространстве одного сообщества, придаётся статус универсалий. С другой стороны, сочетание данных исследовательских эвристик позволит избежать противоположной крайности, состоящей в попытке атомарного (обособленного) описания лингвокультурного содержания слова, что в принципе невозможно без обращения к глубинным (внутренним) взаимосвязям культурно-языковых универсалий и уникалий. Насколько это важно для изучения национально-культурной специфики слова, формирующей языковые стереотипы этнокультурного пространства?

В настоящее время этот вопрос находит различные, вплоть до взаимоисключающих, решения. С одной стороны, усиливается (видимо в связи с общей тенденцией к глобализации мироустройства) нигилистический взгляд на признание системных связей языка и культуры, согласно которому концепция культурно-языковой специфики признаётся несостоятельной. С другой стороны, признание тотального доминирования национально-культурной специфики отдельных языков не допускает существования лингвокультурных универсалий. Анализ языковой действительности убеждает нас в том, что культурно-языковая специфика языкового знака и культурно-языковые универсалии не находятся в отношениях взаимоисключения. Они не только сосуществуют, но и предполагают друг друга. Такая точка зрения согласуется с утверждением Б. Рассела о том, что наше знание о мире и вещах (речь в данном случае идёт о вербализованном знании) состоит из знания двух видов — когда вещи известны как конкретности и как универсалии²⁸. Соответственно универсальная и национально-культурная составляющие языкового знака находятся в комплементарных отношениях друг к другу. Наличие у языка этнокультурной специфики, во-первых, «не отменяет» действия культурно-языковых универсалий, и, во-вторых, предполагает стереотипизацию этнокультурного пространства национально-языковых картин мира.

Заключение. Поскольку под стереотипом понимается субъективно детерминированное представление <...>, в котором находят отражение *объективные и оценочные признаки называемого предмета или явления*, выделенные в результате интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей²⁹, социокультурные

²⁸ Б. Рассел, *Человеческое познание: его сфера и границы*, Киев 2001, с. 8.

²⁹ А. Киклевич, *Притяжение языка*, т. 1: *Семантика. Лингвистика. Текст. Коммуникативная лингвистика*, Olsztyn 2007, с. 180.

стереотипы обуславливают характер коннотаций языковых значений, создают трудно уловимую этносемантическую ауру языкового знака. Они, несомненно, связаны с внутренней формой слова, с мотивировкой его значения. Однако, несмотря на свою неуловимость, внутренняя форма, как и коннотация, может обыгрываться говорящими в их дискурсивной деятельности и влиять на употребление слова. Внутренняя форма утрачивается, если семантическая связь перестает осознаваться носителями языка. В когнитивно-семиологическом описании социокультурные стереотипы соотносимы с понятием *прототипа*, ставшим для Э. Рош основным в современной когнитивной психологии. Для когнитивно-семиологической парадигмы лингвокультурологии это понятие ценно тем, что помогает осмыслить процессы категоризации, в значительной степени зависящие не только от собственно когнитивных механизмов, но и от того культурно-дискурсивного пространства, в котором находится человек. Опыты Э. Рош показали, что любая категория имеет внутреннюю структуру, состоящую из *центра* (прототипа) и *периферии*. В соответствии с этим можно утверждать, что социокультурным стереотипом является некий эталонный член данной категории, в котором воплощены наиболее характерные ее признаки. Метонимическое мышление позволяет по прототипу опознавать всю категорию в целом, формировать социокультурные стереотипы, образующие в своей совокупности ядро этноязыкового сознания, а значит и менталитета народа. Этноязыковое сознание и менталитет предполагают друг друга по двум направлениям: (а) языковое и концептуальное сознание; (б) языковое и координативное сознание. Концептуальное сознание обеспечивает ориентацию человека в материальном и духовном мире, организует его самопознание. Концептуальное сознание реализуется в процессах мышления, в результате которого действительность соотносится с концептуальным образом мира, сформировавшимся в языковом сознании человека и составляющим основу его ментальности.

Этноязыковое сознание как бы интегрирует два типа сознаний – концептуальное и языковое. В процессе речевого мышления обеспечивается непосредственная стереотипная и нестереотипная связь языковых значений и категорий с актуальными смыслами ментальности человека. Координация языковых и когнитивных структур служит одновременно фильтром и регламентатором нашего сознания, следящим за соблюдением симметричного соотношения мыслительного и языкового содержания, или наоборот, предполагающим субъективно и прагматически обусловленное нарушение данной симметрии. Этноязыковое сознание обеспечивает переход концептуального сознания в языковое сознание, которое, выполняя две различные функции – (а) лингвокреативную и (б) коммуникативно-репрезентативную – служит реальным основанием ментальности того или иного народа.

Linguistic Stereotypes of Ethnocultural Space

The article deals with problems of linguistic stereotypification of ethnocultural space. In the author's opinion identity of the linguistic culture depends on the specific system of interconnections between the subject and linguistic meanings, verbal stereotypes and linguistic and cognitive systems which are the base for the world's vision and perception of all people. The linguistic stereotypes, as subjectively determined representations, (a) reproduce objective and estimative attributes of a named object or a phenomenon, which is distinguished by the result of reality interpretation in the space of ethno-relevant cognitive models, (b) stipulate the character and the content of connotative meanings of a word, (c) create peculiar ethnosemantic aura of the language and ethnolinguistic mind as the result of the representation of stereotypical perception of the world in the language in correspondence with defined value and semantic coordinates of one or another linguistic culture.